

Вторая пара закончилась. Утомленный лекцией Сюй Инань потянулся, лениво потягиваясь, и нетвердой походкой направился к зданию студенческого совета. Его расписание на сегодня было исчерпано, и он собирался найти местечко, чтобы вздремнуть.

Устроившись в подвесном кресле, он отбросил в сторону все тревожные мысли. Мягкий солнечный свет падал на лицо Сюй Инаня, смягчая черты его лица. Постепенно веки его сомкнулись, длинные ресницы отбрасывали тонкие тени, голова слегка склонилась набок. Выбившиеся пряди волос прикрыли глаза и рассыпались по щекам. Дыхание стало ровным — он снова погрузился в сон.

Мо Цзиньянь, прижимая к груди несколько увесистых томов, поднялся на крышу, где обычно читал и делал заметки, и обнаружил, что его любимое подвесное кресло уже занято. Сюй Инань лежал, сложив руки на животе, одна нога была согнута в колене, другая безвольно свисала — никакой грации.

Впрочем, красавец остается красавцем, даже если спит так, что слюнки текут. Свет сгущался на его лице; юноша снял очки, и густые ресницы покоились на щеках, а черты лица казались изысканными, словно нарисованными на картине. Выражение его было чистым и безмятежным, как у младенца.

Мо Цзиньянь немного понаблюдав за ним, вытащил телефон и сделал снимок. Взглянув на фото, он убрал гаджет, сел за круглый столик и принялся за работу, стараясь двигаться как можно тише.

Неизвестно, сколько прошло времени, но когда Мо Цзиньянь был полностью поглощен выписками из конспекта, чья-то рука протянулась из-за спины и утащила банку с кофе со стола. Сюй Инань, ничуть не смущаясь, открыл банку и сделал большой глоток. Его лицо тут же исказилось.

Чертовщина! Это вообще можно пить?! Горько как желчь!

Ересь!

Он с гримасой посмотрел на Мо Цзиньяня:

— Почему упаковка у этого кофе так похожа на молоко Ван-Цзай?

Мо Цзиньянь поднял голову, и в его холодных глазах мелькнула редкая искра веселья:

— Я не пью молоко Ван-Цзай.

Сюй Инань оседлал стул напротив, глядя на него с видом человека, потерявшего всякий смысл жизни:

— Когда в столовой обед? Я ужасно голоден.

С каких это пор молодой господин соизволил посещать столовую? Мо Цзиньянь, глядя на его страдальческую физиономию, покачал головой и посмотрел на часы:

— Еще три минуты.

Сюй Инань опешил:

— Ты что, не идешь в столовую?

Мо Цзиньянь нахмурился:

— Там слишком много людей.

Даже если бы он пошел, ему пришлось бы поддерживать порядок — он был главой дисциплинарного комитета, а не бездельником, как Сюй Инань.

Кто-то не идет обедать?!

Ересь!

Сюй Инань мысленно выругался. Он уже было рванул к выходу, но вдруг вспомнил сюжет: главный герой зарабатывает гастрит, а героиня начинает за ним ухаживать. Он тут же попятился, схватил Мо Цзиньяня за запястье и потянул за собой:

— Идем вместе!

Мо Цзиньянь, пребывая в полном замешательстве, позволил увлечь себя прочь.

Два юноши с примечательной внешностью и характером неслись по кампусу, держась за руки. Лишь у самого входа в столовую Мо Цзиньянь пришел в себя и нахмурился:

— Отпусти.

Сюй Инань моргнул и разжал пальцы.

В этот момент двери столовой медленно распахнулись.

Мо Цзиньянь, усаженный за стол, наблюдал сквозь толпу за Сюй Инанем. Тот, обычно высокомерный второй молодой господин клана Сюй, пробирался через плотную очередь, ничуть не заботясь о случайных прикосновениях. Когда подошла его очередь, он даже мило улыбнулся тетушке-раздатчице и завел с ней беседу. Неизвестно, что он сказал, но женщина радостно рассмеялась, наложила ему полную порцию мясного соуса и даже добавила куриную ножку.

Это точно Сюй Инань?

Мо Цзиньянь опустил взгляд, коснувшись пальцами кожи на запястье, которое тот сжимал. Из-за спешки хватка была такой сильной, что на руке остались красные следы, которые до сих пор саднили. Витавший в облаках глава дисциплинарного комитета не заметил, что его ледяная аура стала настолько сильной, что в этом углу зала воцарилась гробовая тишина.

Сюй Инань с грохотом поставил доверху набитый поднос перед Мо Цзиньянем:

— Не знаю, что ты любишь, набрал всего понемногу.

Мо Цзиньянь уставился на брызги супа на столе, не торопясь брать палочки, протянутые Сюй Инанем.

У него был проницательный ум, но он совершенно не понимал нынешнего Сюй Инаня. С самой старшей школы он знал, что тот считает его соперником из-за Су Юйжо, и был прекрасно осведомлен о неприязни этого человека. Ему не было дела до объяснений, но сегодня Сюй Инань вдруг решил зарыть топор войны, ведя себя так естественно, будто их взаимная ненависть была лишь плодом воображения Мо Цзиньяня.

Мо Цзиньянь не знал, искренне ли это примирение или очередная попытка его унижить.

— Говорю тебе, нельзя разбрасываться молодостью, потом аукнется в старости... — Сюй Инань вложил палочки в руку Мо Цзиньяня и, откусывая куриную ножку, принялся ворчать, как старый дед с рынка, словно не замечая холодного выражения лица юноши.

На самом деле Сюй Инань любил поболтать, но раньше в отряде самообороны никто не решался испытывать его терпение из-за его свирепого боевого нрава. Он придавал огромное значение здоровью, так как в подростковом возрасте из-за тяжелой борьбы за выживание заработал хронические болезни, которые до сих пор давали о себе знать. В холода это было особенно заметно, из-за чего, несмотря на золотой возраст для модификанта, его показатели не росли, а падали.

Перед лицом истинной силы любые интриги — лишь пустой звук. Если бы он был в расцвете сил, разве могли бы те щенки его переиграть?

Впрочем, негоже герою вспоминать о былых подвигах.

Герой постарел, а новое поколение уже не помнит, кто когда-то прорубал путь сквозь тернии, защищая человечество ценой собственной крови.

Мо Цзиньянь помолчал, вытер салфеткой пролитый суп и принялся за еду. Сюй Инань же, доев куриную ножку, засучил рукава и перешел на еду руками, другой рукой быстро работая палочками, с аппетитом уплетая всё подряд. От того, с каким жадным видом он ел, Мо Цзиньянь лишь поморщился и машинально огляделся по сторонам.

Их столик был в углу, за ширмой. Хотя сочетание главы дисциплинарного комитета и вице-председателя вызывало у всех жгучее любопытство, авторитет Мо Цзиньяня был таков, что

никто не решался подойти ближе. Поэтому никто не обращал внимания на их действия.

...Раз так, пусть будет по-его.

Мо Цзиньянь взял суп, который налил Сюй Инань, и сделал маленький глоток. Теплая жидкость разлилась по телу, согревая желудок. Он смотрел на Сюй Инаня, который сосредоточенно жевал паровой пирожок, с крупинками риса и соусом в уголках губ. Его светлые глаза сияли.

Мо Цзиньянь вдруг забыл, как выглядел прежний Сюй Инань, всегда такой утонченный и вежливый.

Пожалуй, лучше бы Сюй Инань никогда не становился прежним.

\*\*\*

Мо Цзиньянь поднял взгляд от книги:

— Ты уезжаешь за границу?

— Ага, — Сюй Инань убрал ноги со столика и, подогнув колени, уселся на диване, приняв расслабленную позу. — Старик хочет, чтобы я пожил у него какое-то время, документы на перевод уже готовы.

С момента его попадания в этот мир прошло полгода, последний семестр третьего курса подходил к концу. За это время в Цзинчэнском университете произошло много событий, самым обсуждаемым из которых стало превращение двух главных красавцев бизнес-факультета из врагов в друзей. За полгода отношения Сюй Инаня и Мо Цзиньяня, если не сказать, что совершили прорыв, стали довольно близкими... хотя эта близость была весьма своеобразной.

Их мировоззрения и образы мышления были совершенно разными, но мозговые волны странным образом совпадали. Сюй Инань обнаружил, что проводить время с Мо Цзиньянем невероятно комфортно, а его любимым занятием за эти полгода стало наблюдение за тем, как меняется выражение лица Мо Цзиньяня.

Некоторое время назад Су Юйжо внезапно и без предупреждения бросила учебу. Звонки и письма от ее подруг оставались без ответа, и в своем беспокойстве они даже обратились за помощью к Сюй Инаню и Мо Цзиньяню. Сюй Инань знал, что это финал университетской арки, подготавливающий почву для их встречи во взрослой жизни.

Университет был лишь переходом, взрослая жизнь — вот истинный фокус истории Милая жена главного директора за баснословную цену. В оригинальном сюжете три года разлуки заставили главного героя и Сюй Инаня еще больше тосковать по возлюбленной, но как бы они ни искали, вестей не было.

Сюй Инань не спрашивал Мо Цзиньяня, что он думает о Су Юйжо — это была тема, которой они оба молча избегали. Убедившись, что Мо Цзиньянь не увидит Су Юйжо в ближайшие три года, Сюй Инань со спокойной душой согласился на требование родителей уехать.

Мо Цзиньянь опустил взгляд, перелистывая страницу.

— Когда вернешься?

Сюй Инань достал из-под журнального столика в кабинете Мо Цзиньяня пачку чипсов и с громким хлопком вскрыл пакет:

— Через три года. — Он задумался. — Буду возвращаться на два месяца каждый год, чтобы провести тебя. — Чтобы сюжет не свернул не туда, лучше держать всё под контролем. — Ты тронут, А-Янь?

— Совершенно нет, — невозмутимо ответил Мо Цзиньянь.

Сюй Инань скривил губы, засыпая в рот чипсы со вкусом томатов, с хрустом прожевал их, проглотил и достал из-за дивана еще один огромный пакет снеков.

— Не запачкай ковер, — Мо Цзиньянь нахмурился и подошел к окну, чтобы проветрить комнату. Сюй Инань, имея собственный кабинет в здании студсовета, почему-то обожал есть снеки, фастфуд и даже дуриан именно здесь, оставляя после себя горы мусора. Мо Цзиньянь несколько раз проверял кабинет, но находил лишь то, что лежало на виду — он понятия не имел, где тот прячет остальное.

За полгода под влиянием Мо Цзиньяня Сюй Инань стал чуть более воспитанным, по крайней мере, не вел себя так грубо на людях. Но наедине с Мо Цзиньянем он оставался всё таким же приземленным и неотесанным. Сидел на полу, закинув ногу на ногу, листая соцсети, в своем пестром прикиде, добавив повязку на голову, он мог бы сойти за деревенского мужика, и ни капли не смущался.

Может, это и есть то самое очарование контраста? Мо Цзиньянь вернулся к столу, глядя, как изящные черты лица Сюй Инаня переливаются в свете ламп. Поговорка о том, что простая одежда не скроет красоты, подходила идеально.

Мо Цзиньянь слегка покачал головой. Он совсем не считал этого парня милым.

Особенно после того, как однажды своими глазами увидел, как Сюй Инань одним ударом сломал три ребра извращенцу в электричке.

Сюй Инань, раздув щеки, как хомяк, пробормотал:

— Понял. — Проглотив печенье, он добавил: — Я уезжаю завтра, ты правда не придешь меня провожать? — Он приподнял бровь, и его чайно-золотистые глаза сверкнули. — Как ты можешь

так поступать с нашей дружбой!

— Не помню, чтобы у нас была какая-то дружба, — равнодушно ответил Мо Цзиньянь.

<http://bllate.org/book/21627/2231382>